
**ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОДА 1601–1603 гг.
В РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКАХ
О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ**

О. А. Туфанова

Сочинения русских и иностранных современников о Смуте в России начала XVII столетия, начавшейся с пресечения древней династии Рюриковичей и завершившейся избранием на престол Михаила Фёдоровича Романова, содержат различные, иногда противоречивые взгляды на одни и те же события. Во многом различие подходов в изображении тех или иных событий обусловлено принципиальным отличием исходных позиций повествователей.

Иностранцы, занимая позицию сторонних наблюдателей, даже если они и являлись непосредственными участниками событий, стремятся в большинстве своём дать зрительное реалистичное представление о событии¹, правда зачастую окрашенное стойким убеждением, что они, находясь в «варварской» Московии, вынуждены иметь дело с «невежественным, грубым и варварским народом»².

Сочинения русских авторов отличает особый тип документализма, использование которого приводит к сочетанию двух различных повествовательных стихий. С одной стороны, это взгляд на события как бы изнутри, что оборачивается подменой — вместо документально точного рассказа о событии, позволяющего зримо представить, что же в действительности происходило, его лаконичная оценка. С другой стороны, это использование приёма умолчания, когда речь идёт о нелицеприятных для русских событиях, и ещё одна подмена — вместо описания поведения людей провиденциальный или реалистичный рассказ о том, что привело к катастрофе или что явилось её следствием.

Ярким примером такого противоречивого в изображении и оценке повествования может служить рассказ о голоде (1601–1603) во время правления Бориса Годунова.

Большая часть русских источников о правлении царя Бориса, среди них «Временник» Ивана Тимофеева, «Летописная книга» С. И. Шаховского, «Так называемое иное сказание» и др., умалчивают об этом трагическом трёхлетнем периоде жизни в истории России. Те же немногие источники («Хронограф 1617 г.», «Словеса дней, и царей, и святителей» И. А. Хворостина, «Новый летописец»), в которых тема голода находит отражение, содержат весьма скудную в художественном плане информацию и отличаются использованием в целом одинаковых приёмов изображения.

Так, например, во всех трёх вышеназванных текстах авторы применяют один и тот же лаконичный оценочный эпитет «велик» для характеристики голода: «гладь бысть великъ»³, «глад велик»⁴, «гладь велій»⁵.

Все авторы указывают на большую смертность людей, которую вызвал голод. Общим для трёх источников является указание на множество погибших и

повсеместность распространения голода. В рамках же этого мотива наблюдаются незначительные стилистические отличия. Так, автор «Хронографа 1617 г.», указав, что голод испытывали «по всей земли Рустей», использует приём тавтологии и дополнительный, указывающий на сверхмножество эпитет: «...и многое безчилено множество от того гладу изомроша людей» (326). И. А. Хворостинин тоже отмечает всеобщность бедствия, но использует приём олицетворения: «Убиенна земля наша гладом...» (434). Столь же бесстрастно-фактографичной выглядит на первый взгляд сообщение «Нового летописца»: «...пребысть же гладь оный три лѣта и бысть мертвых множество лежащих всюду», — сочетающее временной признак (указание на то, что голод продлился в стране 3 года), неопределённо-количественный (эпитет «множество») и пространственный («всюду»).

Однако сухая информативность соответствующей главы «Нового летописца» при детальном рассмотрении оказывается продолжением заданного в начале повествования изобразительного приёма, эмоциональность которого становится заметна только при выявлении доминантных повторов и явных и скрытых параллелизмов. «Бысть же гладь *велий*... прежде убо быша дождеве *велицыи*, во все лето... *всякому съемому хлѣбу зеленѣющеся безъ зрѣлости*... въ день же Успенія пресвятыя Богородицы еще *всякому хлѣбу зелену бывшу и къ полности не пришедшу*, паде мразь *велий*, и *прозябе всякое прозябение хлѣбное*, и *все* погиге...» (курсив и подчёркивание мои. — О. Т.) (54).

Весь выше приведённый фрагмент пронизывает разветвлённая система повторов. Прежде всего это эпитеты, носящие оценочно-фактографический характер, «велик», «всякий» и стоящий в одном ряду с ними повтор местоимения «все», которые служат для выражения идеи общей для всех русских людей беды. Стабильно воспроизводится одна и та же грамматическая конструкция, в которой употребляются эти повторы: инверсионное использование эпитета «велик» вкупе с препозитивным употреблением эпитета «всякий», приводящее к их близкому соседству, показывают размах бедствия, с помощью оценочного и фактографического эпитетов нагнетая общую трагедийную атмосферу. Второй ряд повторов связан с образом не успевшего созреть, прозябшего «зеленеющего хлеба», который становится своеобразным переходом к описанию людской трагедии. Заявленная в связи с образом «хлеба» тема смерти получает своё разрешение в судьбах людей и поддерживается пронизывающим оба отрывка мотивом лежания на земле: «...все *погиге* и *остася на полѣ*... онымъ же прозябшимъ хлѣбомъ *съяху*, чающе ему возрасти, и не взыде ничто, но *все въ земли оста*, и начася быти *велий* гладь... и бысть *мертвыхъ множество лежащихъ всюду*» (курсив мой. — О. Т.) (54).

Голод и, как следствие, большая смертность людей, согласно «Новому летописцу», стали результатом вполне конкретного природного явления — «великого» мороза, уничтожившего зазеленевшие посевы. Иную трактовку дают И. А. Хворостинин и автор «Хронографа 1617 г.». Она существенно отличается и в содержательном, и в художественном плане от причин, изложенных в «Новом летописце». В «Хронографе 1617 г.» приводится лаконичная традиционная провинциальная мотивировка разразившегося в стране голода: «грѣхъ ради нашихъ»

(326), — какие-либо дополнительные объяснения (за какие именно грехи был наказан народ) в анализируемом фрагменте отсутствуют. В «Словесах дней, и царей, и святителей» даётся более пространный мотивировка случившегося, но, как и в «Хронографе 1617 г.», она окрашена идеей Божьего наказания за грехи. Голод стоит в одном ряду с другими бедствиями, которые поразили страну: «Всегда *нужа бѣ*, и растлеваемое богатство, красота и слава оскудеваше, и родоначалие владычское прииде от земли наша, изриновени быша от любве человеколюбия, оскудѣша грады, оскудѣша люди...», — и воспринимается как прямое следствие общего «падения» людей, поскольку замыкает цепочку «грехов»: «...не оскудѣ мерзость и возрасте плод греха, възиде дѣло беззакония, и возненавиде друг друга, и умножишася в нас падения. Убиенна земля наша гладом...» (434).

Во всех трёх памятниках скупое изображается поведение людей во время голода, точнее, о самом поведении речь идёт только в «Новом летописце», а в двух других произведениях производится своеобразная подмена: вместо рассказа о поведении людей приводится рассказ о том, чем они питались. Но и в «Новом летописце» о людях сказано очень скупое: «...отцы чадъ своихъ глада ради и мужіе женъ пометаху и помираху...» Самым примечательным в этой фразе является глагол «пометати», означающий «оставить», «покинуть»⁶. Наиболее близкий стилистический пример подобного использования глагола приводится в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского: «Разбѣгошася по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтеи» (Псков. летопись, 7018 г., по Погод. сп.)⁷. Но в «Новом летописце» фраза носит какой-то странный смысл: лаконичное пояснение «глада ради» не объясняет, почему отцы покинули детей, а мужья жен; совсем непонятно, почему, покинув родных, отцы и мужья «помираху»; умалчивает автор «Нового летописца» и о том, что стало с детьми и жёнами, такое впечатление, что «помираху» только мужчины, остальных голод не коснулся. Но так или иначе перед нами попытка описать действия людей во время голода через родственные взаимоотношения.

Иной тип повествования о поведении людей обнаруживается в «Хронографе 1617 г.». В нём на первый план выходит рассказ о том, чем питались люди во время голода, он содержит скупые детали и завершается указанием на причины умолчания подробной характеристики: «Ядуше же тогда многи псину и мертвечину и ину скарэднину, ея же и писати нелѣтъ» (326).

Нечто подобное наблюдается и в «Словесах дней, и царей, и святителей» И. А. Хворостинина. Рассказ о поведении голодающих в памятнике сводится к обобщающей характеристике, чем питались люди в этот период времени; при этом, указывая на множество людей, Хворостинин не возводит эту характеристику к всеобщности: многие, но не все. Рассказ о пище, употребляемой людьми во время голода, имеет двучастную структуру, демонстрирующую как бы два уровня непотребства: 1 — употребление в качестве пищи мертвечины, 2 — употребление растительной пищи, негодной для человека. Каждая цепочка завершается указанием на то, что об этом рассказывается именно в общих чертах, поскольку о подобном непотребстве в повести говорить нельзя и суть происшедшего ужаса невозможно передать

словом (аналогичным образом завершает фразу о вкушении непотребной пищи и автор «Хронографа 1617 г.»): «...и мнози вкусиша от глада лайна, и плотей человеческих, и мертвых телес существа своего, птицъ же, и зверей, и рыбы, и елико слово подробну сказати не может: коры деревянные, корение водное, былие непотребное, и елико таковая и множайша сих, елика ни качеству предати возможно» (434).

В обоих памятниках отсутствует смакование человеческого безобразия. Правдивый эстетизм, обусловленный нравственной стыдливостью и уважением к человеку как творению Божьему, заставляет авторов прибегать к приёму умолчания, который позволяет лишь намекнуть на неподобающее поведение людей, уйдя от излишнего натурализма описаний.

Отчасти именно здесь кроются причины довольно быстрого перехода авторов к реалистичным рассказам о том, что явилось следствием разразившейся в стране катастрофы. В «Новом летописце» и сочинении И. А. Хворостинина рассказ о голоде завершается описанием деяний сжалившегося над «гладными» Бориса Годунова. Автор «Хронографа 1617 г.» сосредоточивает внимание на сугубо практических исторических фактах: сколько стоила четверть ржи и в чём отличие прежней меры четверть от нововведённой меры четверик.

Совершенно иначе описали голод 1601–1603 гг. иностранные авторы. В их сочинениях сочетаются два основных принципа описания трагедии. С одной стороны, для изобразительной манеры иностранцев характерна зримость, ужасающая красочность нарисованных образов, создание для большего потрясения сознания читателей страшных бытовых картинок; с другой стороны, трагические бытовые зарисовки соседствуют в их текстах со статистическими данными о количестве погибших в одной только Москве за этот период. Эти цифры вызывают столь же сильное эмоциональное потрясение у читателя под воздействием поэзии факта, как и бытовые сцены убийства.

Практически все иностранцы, оказавшиеся в этот период в Москве, фиксируют регулярные случаи людоедства, обыкновение убивать ближайших родственников. Капитан Ж. Маржерет в книге «Состояние Российской державы и великого княжества Московского» описывает подобные случаи как «невероятные» для него, иностранца, но «обычные», как казалось ему, для русских: «В эти три года случались события почти невероятные; казалось почти обычным, если муж бросал жену и детей, если жена убивала мужа, а мать — своих детей, и съедали их»⁸. В подтверждение Маржерет приводит конкретный пример, свидетелем которого, по его словам, он оказался: «Я сам был свидетелем, как четыре женщины, мои соседки, брошенные мужьями, решились на следующий поступок: одна пошла на рынок и, сторговавши воз дров, зазвала крестьянина на свой двор, обещая отдать ему деньги; но только он сложил дрова и зашёл в избу, чтобы получить плату, как женщины удавили его и спрятали в погреб, чтобы тело не повредилось: сперва хотели съесть лошадь убитого, а потом приняться за труп. Когда же преступление открылось, они признались, что труп этого крестьянина был уже третьим»⁹.

К. Буссов сравнил голод в Московии с тем, какой когда-то испытали жители осаждённого Иерусалима, но то, что он увидел собственными глазами (после

неудачной попытки весной 1601 г. сдать Борису Годунову г. Мариенбург и Нарву он переселился в Москву), потрясло его. «Большого ужаса и у Иосифа (имеется в виду сочинение Иосифа Флавия «История иудейской войны». — *О. Т.*) не найти!»¹⁰ — эмоционально восклицает немецкий наёмник. Начав с рассказа о единичном случае детоубийства [«...одна дворянка от великого голода зарубила, сварила, поджарила и съела своего собственного ребёнка»¹¹], он патетически продолжает: «Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями»¹². В повествовании К. Буссова поражают и детализированные цепочки действий детоубийц, напоминающие последовательность кулинарных приёмов и ужасающие тем, по отношению к кому они применяются, и сама галерея убийц. Создаётся впечатление, что часть населения страны превратилась в людоедов, которые употребляли «человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запечённое в пирогах, т. е. паштетах»¹³. Другие же «лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые пожирали человеческий кал и сено»¹⁴.

В этом же ключе повествует о голоде и И. Масса, заметивший, что «голодные времена, описанные Альбертом, аббатом штаденским, и многими другими, нельзя сравнить с этим, так велик был голод и нужда во всей Московии»¹⁵.

Очевидно, осознавая ужас и невероятность рассказанного, и Маржерет, и Буссов подтверждают достоверность своих слов при помощи приёма, типичного для путевой литературы, когда автор нарочито повторяет, что его рассказ — не выдумка, а правда: «Я сам был свидетелем...»¹⁶, «Но, клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел...»¹⁷.

Другой особенностью рассказов иностранцев о разразившемся в правление Б. Годунова голоде является обязательное приведение относительно точных статистических данных о количестве умерших в этот период, правда, данные эти весьма разнятся. Например, Ж. Маржерет писал, что «в одной Москве погибло от него (голода. — *О. Т.*) более 120 тыс. людей; их хоронили за городом на трёх кладбищах за счёт государя, приказавшего выдавать даже саваны для погребения»¹⁸. К. Буссов отмечал, что «в одном только городе Москве во время этой дороговизны умерло от голода более 500 000 человек, которые при жизни получали от его величества пропитание, а после смерти белый саван и красные башмаки, в которых их на его счёт хоронили»¹⁹.

Главной причиной столь большой смертности в Москве, по мнению Маржерета, был приказ Годунова ежедневно раздавать всем бедным жителям столицы милостыню. В результате в Москву потянулись даже те, кто имел возможность «кормиться» самостоятельно, обрекая себя по сути на верную смерть, поскольку существовать на выданную милостыню они не могли и умирали либо в самом городе, либо по дороге домой. Когда же Годунов «повелел раздачи прекратить», взору предстало «небывалое зрелище: всюду по дорогам находили мёртвых и умирающих от голода и холода»²⁰. Ужасающее количество трупов на улицах Москвы приводит и К. Буссов: «Ежедневно повсюду на улицах по приказу царя подбирали сотни мерт-

вещей и увозили их на таком множестве телег, что смотреть на это было страшно и жутко»²¹.

Примечательно, что русские источники, которые дают зачастую нелюбимые характеристики Борису Годунову, не винят царя в огромной смертности людей, а, наоборот, подчёркивают его необычное поведение в этой сложной ситуации. Так, автор «Нового летописца» замечает, что царь Борис «повелѣ... мертвых тѣлеса опрятовати, и погребати во убогихъ домѣхъ, пропитанія же ради умысли строити каменное зданіе, дабы отъ найма питались». Почти в тех же самых выражениях эти два факта описываются в «Словесах дней, и царей, и святителей». Более того, И. А. Хворостинин создаёт целый панегирик высоко нравственному поведению Годунова в этот период времени, о чём свидетельствует мотив милосердия и жалостливости царя Бориса по отношению к людям, обрамляющий рассказ о его гуманных действиях: «...самодержецъ же в тузе и в болѣзни быв и, видев падения многа, жалился зело гладных ради, и ниву сердца благоразсуднаго милосердия житом наставляя ... И кто изглаголет челоуѣколюбный его нрав в то время и к нищим благодать? <...> И никто же от прежебывших царей тако сотвори, якоже владыка нашъ над убогими милость яви» (434).

Таким образом, сопоставление русских и иностранных сочинений, с разной степенью полноты повествующих о голоде 1601–1603 гг., демонстрирует принципиально разные подходы к изображению разыгравшейся в Московской земле трагедии. Сочинения иностранных авторов, во многом руководствующихся в изображении конкретных исторических событий субъективным предубеждением перед «варварским», диким народом, отличает натурализм, тяготеющий к эстетике безобразного, в сочетании с поэзией факта. Русские книжники, в отличие от иностранцев, склонных к бытописательству, предпочитают использовать приём умолчания для описания «падения» людей, заменяя подробные бытовые картины жизни на выработанные предшествующими поколениями древнерусских «списателей» приёмы, такие, как лаконичный оценочный эпитет, разветвлённая система повторов и др. В целом, иностранные тексты отличаются от русских так же, как картина от эскизных набросков: идея понятна, образ намечен, но отсутствует красочная прорисовка деталей изображения.

¹ См. об этом, напр.: *Ульяновский В.* Смутное время. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 153.

² *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Пётр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 154.

³ Из Хронографа 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачёва; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1987. С. 326. Здесь и далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

⁴ *Хворостинин И. А.* Словеса дней, и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачёва; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1987. С. 434. Здесь и далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

⁵ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. 54. Глава 84. «О гладе, и о смертоносии и о каменном доме». Здесь и далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

⁶ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 102. Т. II. Л–П. Стб. 1157.

⁷ Там же.

⁸ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 51.

⁹ Там же.

¹⁰ *Буссов К.* Московская хроника // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 34.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Масса И.* Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Пётр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 51.

¹⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского. С. 51.

¹⁷ *Буссов К.* Московская хроника. С. 34.

¹⁸ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского. С. 51–52.

¹⁹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 35.

²⁰ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского. С. 52.

²¹ *Буссов К.* Московская хроника. С. 35.